

Великая тайна

1970 год. Обычный зимний вечер. Зима насыпала сугробы, так что мне, одиннадцатилетнему мальчику, когда я шел по дороге через двор к школе, они казались огромными, — чуть ли не с меня ростом. Тогда это нам казалось естественным, привычным. И то, что кругом много искрящегося снега, и что зимой не бывает оттепелей до самого марта, и что можно два месяца в году ходить через Волгу по льду пешком, напрямик, и что этот лед до полуметра толщиной, так что и грузовик выдержит. Может быть, когда-нибудь к нам еще вернуться такие снежные, настоящие русские зимы, да вот детства уже не вернуть.

Мы много читали тогда. Романы Дюма и Жюль Верна, Вальтера Скотта и Майн Рида были нам интересней, чем русская классика, которую начинаешь любить намного позднее. Романтика путешествий захватывала. Интересно было играть в пиратов или, соорудив из фанеры круглые щиты

и вооружившись деревянными мечами, разыгрывать славную историю из фильма «300 спартанцев».

Когда у тебя хорошая память и богатое воображение, то и учиться легко. Поэтому через полтора часа после возвращения из школы я уже брал клюшку с шайбой и выходил в полутемный двор. Кто хорошо катался на коньках, тот мог пойти в хоккейную секцию, но я катался плохо. Да и обмундирование для игры стоило дороговато. Мы жили небогато, а хорошие коньки стоили около десяти рублей, что для нашей мамы, которая одна воспитывала меня с сестрой, было не по карману. Я с друзьями просто бегал в валенках, но с клюшкой, из двух кирпичей мы сооружали ворота высотой в целый метр. И так мы могли скользить по обледеневшей внутриквартирной дороге, пока матери не позовут нас, изрядно заиндевевших, домой. Помню, как со скрипом отрывалась дверь подъезда и мать, набросив платок на плечи поверх своего цветастого халата, выйдя на мороз, громко кричала:

— Жора! Пора домой! Немедленно иди домой! Мои штаны к этому моменту уже были покрыты толстой коркой из льдинок, шапка была мокрой от пота, и мать меня сильно ругала. Но я не мог отказаться от своих детских игр и каждый вечер выходил во двор.

Когда случался сильный мороз, мы забегали в какой-нибудь подъезд, неважно чей. Там можно было согреть окоченевшие руки, растопить лед на варежках, да и просто постоять в тепле, поболтать. В тот вечер мы зашли в первый подъезд дома напротив, где жили два моих одноклассника — Вовка и Сережа. Вовка был отличник, но парень очень даже ничего! И в хоккее с нами играл, и в снежки, и крепость мог построить из снега. Сережа был мальчик тихий. Шумных игр не любил, учился так себе, но без двоек. Чем он там у себя на четвертом этаже занимался, мы не знали, может, мастерила что-то... Такие тихони обычно хорошо умеют что-нибудь делать руками, что требует тонкой работы. Однажды он тайком показал нам рукописи своего отца. Тот на досуге писал разные повести и рассказы, но мне, мальчишке, казалось, что это настоящая скукота. Какие-то производственные романы о том, как инженер Павел Матвеевич мучительно влюблен в технолога, мать-одиночку Дарью Степановну. Истории эти были написаны на стандартных листах потребительской бумаги (так тогда назывался формат А4) ровным правильным почерком, все страницы были пронумерованы. Короче, папа был аккуратный, как и сынок.

«Как только люди могут писать всю эту тяготину, — думал я. — И главное, кто это все будет читать?»

— С коробочкой той он не расставался, — продолжал Сережа. — Бывало, ночью зажжет тихо свет, достанет свою коробочку и что-то там с ней колдует. Мы с папой посмотрели после его смерти, что там. А там — записная книжечка. Хотите, я вам ее покажу?

— Да! Конечно! Неси! — заволновались мы.

Пока Сережи не было, мы думали об этой книжке. Что в ней? Может быть, план того места, где зарыт клад... В голове мелькали иллюстрации из «Острова сокровищ» Стивенсона и «Бронзовой птицы» Рыбакова. Или что-то секретное... Со времен войны. Деду-то сколько было? Лет девяносто? Ну, так, может быть, с гражданской... Буржуйские миллионы... Секреты древних дворянских фамилий! Мы, наверное, сильно шумели, потому как, когда Сережа пришел, воцарилась отчетливая тишина. В руке он держал небольшую, сильно обтрепанную книжечку. Возможно, когда-то на обложке было что-то написано или изображено, но теперь все уже стерлось от времени. Я первый взял книжечку из рук Сергея и открыл. В подъезде было темно, и, чтобы разобрать текст, написанный от руки, мы поднялись на один марш вверх, под самую лампу, что освещала площадку перед дверями квартир.

— Что за странные буквы? Перечеркнутый твердый знак, палочка с точкой наверху! Такую я видел в учебнике по английскому у старшей сестры. Эта буква читается как «и». Сбиваясь и волнуясь, я прочел старый, немного выцветший текст:

Отче наш,
Иже еси на Небесех!

Сразу посыпались смешливые возгласы мальчишек:

— Ха! Иже еси... На колбаси! Ха-ха!
Я продолжал читать.

Да святится имя Твое,
Да придет Царствие Твое.

— А почему «Царствие»? Ведь пишется «Царство»!

Да будет воля Твоя,
Яко на Небеси, и на земли.
Хлеб наш насущный
даждь нам днесь.

— Днесь! Слово-то какое «днесь»! Ну, читай, Жорка, читай!

И остави нам долги наша,
 Яко же и мы оставляем должником нашим.
 И не введи нас во искушение.

— Кто-нибудь слышал такое слово «искушение»? — спросил Вовка.

— Это когда случается какое-то несчастье, — сказал Сережа. — У дедушки как что не ладно было, он все восклицал: «Опять от вас искушение!»

Но избави нас от лукавого.

— Концовки, кажется, нет. Лукавый — это ведь прилагательное! — констатировал я. А где существительное к нему? От лукавого человека, наверное...

— А дальше что? — спросил Витька.

Я перелистнул страницу. Там было написано непонятное слово «Месяцеслов» и еще много слов, которые вместе в единую картину никак не укладывались. Я передал книжку Вовке, тот Витьке. Витька прочел: «1 сентября. Начало индикта. Симеона Столпника. Тропарь индикта...» И дальше совсем темный для наших юных умов текст.

— Да! — вздохнул разочарованно я. — Кажется, про клады в книжке у твоего дедушки ничего нет.

Все тоже вздохнули.

— Айда в хоккей! — крикнул Вовка.

— Айда! — подхватили мы и покатались вниз по лестнице, скорее на улицу, во двор. Мы подбежали к нашим кирпичикам-воротам и, вбросив шайбу, начали гонять ее по утрамбованному тысячами прошедших ног снегу.

Мы не знали, что в колымском бараке некогда разуверившийся в Боге Сережин дедушка снова обрел веру и что он писал эту свою заветную тайную книжечку под диктовку умирающего от голода и цинги репрессированного сталинским режимом священника. Он хранил ее как великую драгоценность, хранил как знак верности Христу в память о тех, кто лежит в безымянных могилах еще неведомой нам, мальчишкам, страны под названием ГУЛАГ. И по ночам молился, взяв ее в руки, хотя молитвы давно уже знал наизусть.

Через три месяца всех нас, ныне гонящих шайбу по полутемному двору, примут в пионеры. Страна наша сильна, она бороздит просторы космоса, исследует тайны атома и ведет «холодную войну» с Америкой.

Меня позвала мать. Она снова ругалась за мои обледеневшие штаны и пальто. Наверное, в ней говорила усталость, тяжелый труд и женское унылое одиночество. Она напоила меня горячим сладким чаем и уложила спать.